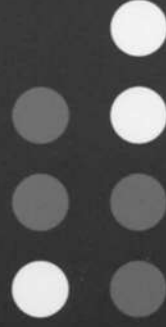

ISSN 1727-0634

THE JOURNAL OF SOCIAL POLICY STUDIES

**ЖУРНАЛ
ИССЛЕДОВАНИЙ
СОЦИАЛЬНОЙ
ПОЛИТИКИ**

К сведению авторов

«Журнал исследований социальной политики» — это рецензируемое издание, которое публикует статьи по теории, истории и методологии социальной политики, результаты эмпирических исследований и экспериментов в сфере социальной политики как в России, так и за рубежом; учебно-методические материалы для преподавателей социальной политики как учебной дисциплины; библиографические обзоры и рецензии, а также информацию и обзоры результатов научных конференций в России и за рубежом.

Передавая в редакцию рукопись, автор обязуется не публиковать ее ни в каком ином издании ни полностью, ни частично.

Редакция принимает статьи объемом от 5 тыс. до 8 тыс. слов (1,5 авторских листа), в исключительных случаях до 10 тыс. слов, материалы представляются в электронном формате MS Word for Windows. Приложенная рукопись должна включать сведения об авторе (авторах), с указанием фамилии, имени и отчества (полностью), ученой степени, ученого звания, рабочего адреса, номеров телефонов, факса, адреса электронной почты. Автор обязан указать источник всех приведенных в статье цитат, цифр и иной информации, аббревиатуры должны поясняться.

Ссылки в тексте должны содержать указание на автора, год публикации и страницу (например: "... как полагает О. Шкаратан (Шкаратан, 2000. С. 122)" или "... эта позиция нашла отражение в целом ряде работ (Miller, 1993; Уоллер, 1999)"). Список использованных источников оформляется в виде заглавие-список библиографического списка и нумеруется в алфавитном порядке. Библиографические описания изданий оформляются в соответствии с предлагаемым образцом:

Книги:
Лебедева Л. Ф. США: Государство и социальное обеспечение. Механизм регулирования. М.: Наука, 2000.
Leonard P. Postmodern Welfare. London: Sage, 1997.

Статьи в журналах:
Тихонова Н. Е., Шкаратан О. И. Российская социальная политика: выбор без альтернативы? // Социологические исследования. 2001. № 3. С. 21–33.
Clarke J. Capturing the Customer: Consumerism and Social Welfare // Self, Agency and Society. 1996. Vol. 1. P. 55–73.

Статьи в сборниках:
Шахназаров О. Л. Адресная социальная помощь — система социальной защиты для решения проблем рыночного общества // Территориальные проблемы социальной политики М.: ГУ ВШЭ, 2000. С. 168–170.
Morris L. Legitimate membership of the welfare community // Welfare: Needs, Rights and Risks / ed. by M. Langan. London: Routledge, 1998. P. 215–257.

Монографии и сборники под редакцией:
Дмитриев М., Ослунд А. (ред.) Социальная политика в период перехода к рынку: проблемы и решения: сб. ст. М.: Моск. центр Карнеги, 1996.
Lewis G. (ed.) Forming Nation, Framing Welfare. London: Routledge, 1998.

Статья сопровождается резюме на русском и английском языках объемом 80–100 слов, списком из 5–6 ключевых слов. Экспертиза материалов и рецензирование проводятся исключительно для внутреннего использования. Журнал следует правилам редакционной этики, смотрите подробнее www.jpsps.ru

Все права на материалы, опубликованные в «Журнале исследований социальной политики», принадлежат редакции и авторам. Публикации журнала не могут быть воспроизведены в любой форме без письменного разрешения редакции. Все права сохраняются.

Статьи, публикуемые в журнале, индексируются и реферируются в международных библиографических агентствах и базах данных: Sociological Abstracts, Social Services Abstracts, Worldwide Political Science Abstracts (Cambridge Scientific Abstracts, San Diego, USA), International Bibliography of the Social Sciences (The London School of Economics and Political Science, London, UK), EBSCO Information Services (Ipswich, MA, USA), Global Content Alliances ProQuest (Ann Arbor, MI, USA).

«Журнал исследований социальной политики» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук — решение Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 19.02.2010 года № 6/6.

Подписный индекс в каталоге Распечата для индивидуальных подписчиков: 83290.

При поддержке Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» и Саратовского государственного технического университета

THE JOURNAL OF SOCIAL
POLICY STUDIES
ЖУРНАЛ
ИССЛЕДОВАНИЙ
СОЦИАЛЬНОЙ
ПОЛИТИКИ

THE JOURNAL
OF SOCIAL POLICY STUDIES

ISSN 1727-0634

ЖУРНАЛ ИССЛЕДОВАНИЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Том 11, № 3, 2013
Основан в 2003 году

Свидетельство о регистрации средства массовой информации «Журнал исследований социальной политики» № ФС77-49577 от 26.04.2012 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Founders:
Higher School of Economics
Pavel Romanov, Elena Iarskaia-Smirnova
Editors:
Pavel Romanov, Elena Iarskaia-Smirnova
Journal Manager:
Viktoria Yakovleva
Editorial Assistant:
Rostislav Kononenko

Editorial Board:
Margareta Back-Wiklund (University of Göteborg, Sweden)
Ann Davis (University of Birmingham, UK)
Daria Završek (University of Ljubljana, Slovenia)
John Clarke (Open University, UK)
Valery Mansurov (Institute of Sociology, Moscow, Russia)
Andrei Panov (Association of Social Services Employees, Russia)
Michael Rasell (University of Birmingham, UK)
Sergey Smirnov (National Research University "Higher School of Economics", Russia)
Natalya Tikhonova (National Research University "Higher School of Economics", Russia)
Teodor Oushkin (Princeton University, USA)
Teodor Shanin (Moscow School of Social and Economic Sciences, Russia)
Sergey Shishkin (National Research University "Higher School of Economics", Russia)
Vladimir Yarov (Institute of Sociology, Moscow, Russia)
Lev Jakobson (National Research University "Higher School of Economics", Russia)
Valentina Yarskaia (Saratov State Technical University, Russia)

Учредители:
НИУ «Высшая школа экономики»
Павел Романов, Елена Ярская-Смирнова
Редакторы:
Павел Романов, Елена Ярская-Смирнова
Заведующая редакцией:
Виктория Яковлева
Ответственный секретарь:
Ростислав Кононенко

Редакционная коллегия:
Маргарета Бек-Виклунд (Университет Гетеборга, Швеция)
Энн Дэйвис (Университет Бирмингэма, Великобритания)
Дарья Завршек (Университет Любляны, Словения)
Джон Кларк (Открытый Университет, Великобритания)
Валерий Мансуров (Институт социологии РАН, Россия)
Андрей Панов (Ассоциация работников социальных служб, Россия)
Майкл Раселл (Университет Бирмингэма, Великобритания)
Сергей Смирнов (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия)
Наталья Тихонова (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия)
Сергей Ушакин (Принстонский университет, США)
Теодор Шанин (Московская высшая школа социальных и экономических наук, Россия)
Сергей Шишкин (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия)
Владимир Яarov (Институт социологии РАН, Россия)
Лев Яковсон (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия)
Валентина Ярская (Саратовский государственный технический университет, Россия)

Почтовый адрес: 109028, Россия, Москва
Покровский бульвар, 11
тел. +7 495 7729590*22494
Электронная почта: editorial@jpsps.ru
www: <http://www.jpsps.ru>
Blog: <http://www.jpsps-journal.blogspot.com>

Address: 109028, Russia, Moscow
Parkway Pokrovsky, 11
Phone +7 495 7729590*22494
E-mail: editorial@jpsps.ru
www: <http://www.jpsps.ru>
Blog: <http://www.jpsps-journal.blogspot.com>

Volume 11. № 3. 2013

TABLE OF CONTENTS

Editorial. Professions in the Welfare State

Articles

<i>Ellen Kuhlmann</i> Professions and the Politics of Mediation: the Case of Mental Healthcare and Psychotherapy	295
<i>Alla Chirikova</i> Physicians as a Professional Group: Production and Maintaining of Medical Professionalism	307
<i>Irina Mersyanova, Irina Krasnopolskaya, Anastasiya Cheshkova</i> Teachers' Communities: Self-Organization and Influence	321
<i>Olga Simonova</i> Emotional Labor in Modern Society: Rethinking and Conceptualizing Ideas of A.R. Hochschild	339
<i>Ivan Zabaev, Daria Oreshina, Elena Prutsikova</i> Peculiarities of Social Work at the Russian Orthodox Church Parishes: an Issue of Conceptualization	355
<i>Rostislav Kononenko</i> Dilemmas of Professionalization of Parish Social Work in Welfare State	369
<i>Lia Yangulova</i> Mental Health Hospitals in 19th Century Russia: Philanthropic Psychiatry and Politics of Gender	377
<i>Ekaterina Slobodenyuk</i> Non-Market Factors of Poverty in Modern Russia and Ways to Improve Social Policy	391
<i>Olga Kapustina</i> The Main Social Groups of Soviet Society in the 1960–1980s, Defined by the Pension Legislation	407

Reviews

<i>Ekaterina Kozhevina</i> Identity Facing the Death: the Role of Social Institutions Review of the book: The Matter of Death, Space, Place and Materiality / ed. by Jenny Hockey, Carol Komaromy and Kate Woodthorpe. London: Palgrave Macmillan, 2010. 268 p. ISBN-13: 978-0230224162	423
<i>Elena Tarasenko</i> Gender Sensitivity of Medical Professions Review of the book: The Palgrave Handbook of Gender and Healthcare / ed. by Ellen Kuhlmann and Ellen Annandale. 2nd edition. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2012. 535 p. ISBN 978-1-137-01514-3	427
Call for Papers, Russian Girl's Studies: Agenda and Prospects	432

Том 11. № 3. 2013

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции. Профессии в социальном государстве

Статьи

<i>Эллен Кульман</i> Профессии и политика посредничества: охрана психического здоровья и психотерапия	295
<i>Алла Чирикова</i> Врачи как профессиональная группа: воспроизводство и поддержание врачебного профессионализма	307
<i>Ирина Мерсиянова, Ирина Краснопольская, Анастасия Чешкова</i> Учительские сообщества: самоорганизация и влияние	321
<i>Ольга Симонова</i> Эмоциональный труд в современном обществе: научные дискуссии и дальнейшая концептуализация идей А.Р. Хохшильда	339
<i>Иван Забаев, Дарья Орешина, Елена Пруткова</i> Специфика социальной работы на приходах Русской православной церкви: проблема концептуализации	355
<i>Ростислав Кононенко</i> Дилеммы профессионализации приходской социальной работы в государстве благосостояния	369
<i>Лия Янггулова</i> Дома умалишенных в России: филантропическая психиатрия и политика гендера	377
<i>Екатерина Сlobоденюк</i> Нерыночные факторы бедности в современной России и пути совершенствования социальной политики	391
<i>Ольга Капустина</i> Основные социальные группы советского общества в 1960–1980-х гг., определенные пенсионным законодательством	407

Рецензии, обзоры

<i>Екатерина Кожеева</i> Идентичность человека перед лицом смерти: роль социальных институтов Рецензия на книгу: Вопросы смерти: пространство, место и материальность / под ред. Дженни Хокки, Карол Комароми и Кейт Вудсорп. Лондон: Палгрэйв Макмиллан, 2010. 268 с. ISBN-13: 978-0230224162	423
<i>Елена Тарасенко</i> Гендерная сенситивность медицинских профессий Рецензия на книгу: Гендер и здравоохранение / под ред. Эллен Кульман и Эллен Аннандэйл. 2-е изд. Бэйсингсток: Палгрэйв Макмиллан, 2012. 535 с. ISBN 978-1-137-01514-3	427
Call for Papers, Russian Girl's Studies: Agenda and Prospects	432

but society in general. Based on Yakoby's ideas, we can see, that even more progressive psychiatric institutions in 19th–20th Russia wasn't able to avoid penitentiary function of the psychiatry.

Keywords: psychiatry, gender, philanthropy, humanization, Pavel Yakoby

References

- Bazhenov N.N. (1909) Istoriya moskovskogo dolgauza (nyne Moskovskoj gorodskoj Preobrazhenskoy bolnitsy dlia dushevnykh) [History of Moscow dolgauz (now the Moscow City Transfiguration hospital for the mentally ill)]. Moscow. (in Russian)
- Brokgaуз F., Efron I. (1898) Entsiklopedicheskij slovar T. XXV (49) [Encyclopedic Dictionary T. XXV (49)]. Saint Petersburg. (in Russian)
- Freze A. (1880) Pervoe desiatiletie Kazanskoy Okružnoy Psikhiatricheskoy Lechebnitsy vo imia bozhie i materj vsekhn skorbashchikh (1869–1879) [The first decade of the Kazan district psychiatric hospital in the name of the Holy Mother of All Who Sorrow (1869–1879)]. Kazan: Univ. tip. (in Russian)
- German F. (1884) Istoricheskij ocherk Obukhovskoj bolnitsy za 100 let (1784–1884) [Historical Outline of Obukhov Hospital for 100 years (1784–1884)]. Statistika i etiologiya glavnykh boleznej [Statistics and etiology of major illnesses]. Saint Petersburg: Tipo-lit. B.G. Iapolskogo. (in Russian)
- Iakobii P. (1900) Osnovy administrativnoj psikhii. Motivirovka k khodataistvam Orl., Penz., Kaluzh., Voronezh. i dr. zemstv ob org. psikhii, dela vRossii i o zakonodatelstve ob umalishennykh [Fundamentals of administrative psychiatry. The motivation to the application of Oryol, Penza, Kaluga, Voronezh and other zemstvos the organization of psychiatric cases in Russia and on the law of the insane]. Orel: Tip. Gub. pravl. (in Russian)
- Iudin T. (1951) Ocherki istorii otechestvennoj psikhii [Studies in the History of Russian psychiatry]. Moscow. (in Russian)
- Konstantinovskii I. (1887) Russkoe zakonodatelstvo ob umalishennykh, ego istoriya i sravnenie s inostrannymi zakonodatelstvami [Russian legislation for the insane, its history and comparison with foreign laws]. Saint Petersburg. (in Russian)
- Krainskii N. (1900) Porcha, klikushi i besnovatyie kak yavleniya russkoj narodnoj zhizni [Spoilage, hysterics and possessed as a phenomenon of Russian folk life]. Saint Petersburg: Tip. M. Akinfiyeva i I. Leonteva. (in Russian)
- Malinovskii P. (1855) Pomeshatelstvo [Insanity]. Saint Petersburg: Tip. K. Kraiia. (in Russian)
- Rind L. (1840) Opyt statisticheskogo obzreniya o chisle oderzhimyykh raznogo roda nedugami [Experience of statistical observation on the number of afflicted various ailments]. Saint Petersburg: Tip. I. Glazunova i K°. (in Russian)
- Shule G. (1880) Rukovodstvo k dushevny m bolezniyam [A guide to mental illness]. Kharkov. (in Russian)

НЕРЫНОЧНЫЕ ФАКТОРЫ БЕДНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Екатерина Дмитриевна Слободенюк

преподаватель кафедры социально-экономических систем и социальной политики, НИУ ВШЭ, Москва, электронная почта: eslobodenyuk@hse.ru

Статья посвящена проблеме бедности в России и характеристике особенностей российских бедных в зависимости от теоретико-методологических подходов к анализу бедности. Эмпирической базой исследования выступили данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения Росстата за 2005–2011 гг. В статье рассматриваются нерыночные факторы бедности, увеличивающие вероятность попадания человека в число бедных в современной России, в частности размер домохозяйств, их состав, тип местности, в которой проживают бедные, иждивенческая нагрузка, гендерные риски. Кроме того, ставится вопрос о том, насколько современная социальная политика способна снизить эти риски и каковы возможные пути ее совершенствования.

Ключевые слова: бедность, депривация, лишения, социальная политика

Бедность является одной из ключевых проблем российского общества. Однако оценки масштабов бедности сильно разнятся и составляют от 13,1% (оценки Росстата¹) до 53% населения по оценкам отдельных ученых [Овчарова, 2011]². В этих условиях не удивительно, что проблема бедности продолжает

1 Та часть населения, которая обладает среднедушевыми доходами ниже прожиточного минимума (см.: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики // <http://figs.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstat/rostatstat/main/>).

2 Совокупная доля тех, кто попал в ряды бедных в рамках хотя бы одного из подходов, в соответствии с которыми в науке принято выделять бедных. Расчеты по данным выборочного обследования «Кризис и поведение домашних хозяйств», выборка – 3000 домохозяйств, 2010 г.

оставаться в фокусе публичного внимания. Не прекращаются дискуссии по проблематике бедности и в научном сообществе, в частности обсуждается методология расчета прожиточного минимума, обсуждаются новые концепции борьбы с бедностью и оптимальные формы помощи бедным, дебатировается вопрос о том, в какой форме должна предоставляться поддержка бедным слоям населения — в денежной или натуральной, адресной она должна быть или категориальной. Такое внимание к этой проблеме объясняется в первую очередь тем, что, несмотря на значительные средства, затрачиваемые на помощь бедным, качественное улучшение ситуации с бедностью в стране в последние годы не происходит — в отличие от ситуации, характерной для середины 2000-х гг. Численность бедных перестала сокращаться, растет «детская» и «хроническая» бедность и т.п. Все это ставит вопрос о причинах недостаточной эффективности государственной социальной политики в этой области.

Как представляется, неэффективность социальной политики во многом обусловлена тем, что вплоть до сегодняшнего дня бедность понимается российским государством только как экономическая проблема, и в разряд бедных попадают только те, чей среднедушевой доход оказывается меньше прожиточного минимума, установленного в регионе проживания человека. Однако бедность является намного более сложным социальным явлением, нежели просто нехватка экономических ресурсов, и это было уже неоднократно показано на протяжении последних десятилетий исследователями всего мира, в первую очередь западными [Townsend, 2010; Абрахамсон, 2001].

Основные методологические подходы к выделению бедных и оценка численности бедных в России

Динамику развития концепции феномена бедности в социологии можно представить в виде конкуренции двух основных подходов к осмыслению этого феномена и методологии ее измерения. Первая из этих концепций выражается в рассмотрении бедности как ограниченности ресурсов в силу нехватки денежных средств. Такое восприятие бедности свойственно обществу, находящимся на относительно более низкой ступени развития, и в большей степени характерно сейчас для экономического подхода к бедности. Бедными при таком подходе считаются все те, чьи доходы меньше прожиточного минимума. Этот подход к определению бедности, называемый «абсолютным», продержался как однозначно господствующий сравнительно долгое время — приблизительно до 80-х гг. XX в. Однако любой теоретический подход остается главнымствующим лишь до тех пор, пока не начинает заметно расходиться с реальными социальной жизни, которые он берется объяснить.

Это расхождение стало особенно заметно во второй половине XX в., и осмыслением нового теоретического подхода к осмыслению бедности — «депривационного» — стал английский ученый П. Таунсенд. Суть данного подхода заключается в соотношении положения бедных не с показателями дохода,

позволяющего удовлетворять минимально необходимый спектр потребностей человека (грань физического выживания), а с возможностью поддержать принятый в обществе как минимально допустимый социальный стандарт жизни, при котором человек не выпадает из сообщества. Следуя этой логике, бедность — это не просто нехватка денежных средств, а сложная, интегральная характеристика положения индивида, отражающая всю его жизнь в обществе и влияющая на всю совокупность его ролей и статусов, причем зависящая от совокупности всех видов располагаемых социальных ресурсов и передающаяся другим поколениям посредством процесса социализации. Таунсенду удалось разработать методологию формирования системы индексов и показателей, с помощью которых столь сложное и многогранное явление, как бедность — депривация [Townsend, 2010], стало возможно оценить математически, а значит, подвергнуть эмпирическому изучению.

Это новое теоретическое понимание бедности вызвало широкий резонанс в научном сообществе в целом. Огромный интерес вызвала теория Таунзенда и у социологов, что отразилось в их многочисленных попытках совершенствовать его методологию. Так, британские ученые Дж. Мэк и С. Лэнсли [Mack, Lansley, 1985] предложили как способ определения ключевых видов депривации опрос населения о том, что можно считать признаками минимально приемлемого уровня жизни, граничащего с бедностью, в каких предметах первой необходимости в первую очередь нуждаются представители бедных слоев и пр. По тому же пути пошел и Московский центр Карнеги (рук. исследования — Л. Н. Овчарова), апробировавший описанный выше подход в России. В числе российских специалистов, развивавших применительно к условиям нашей страны идеи Таунзенда, можно назвать также Н. Тихонову, Н. Чернину, Н. Давыдову и многих других.

Итак, согласно исследованиям зарубежных социологов, можно выделить два разных типа бедных: 1) тех, чьи доходы оказываются ниже установленного государством прожиточного минимума (абсолютный подход к бедности) и 2) тех, кто испытывает лишения, не позволяющие поддерживать считающийся минимально приемлемым в данном обществе образ жизни (депривационный подход к бедности).

Как показывают исследования российских ученых [Можина и др., 1998; Тихонова, Слободенюк, 2011; Овчарова, 2011; Карабчук, Соболева, Пашинова, 2013], все эти типы бедности существуют и в России. Несколько опережая дальнейшее изложение, сразу отметим — указанные группы бедных в России практически не пересекаются между собой. Это означает, что в современном российском обществе существуют люди, испытывающие недостаток денежных средств, но все же поддерживающие общепринятый образ жизни, в то время как другие, которые, по оценкам государства, бедными не являются, в реальности не могут из-за недостаточности своих ресурсов поддерживать образ жизни, рассматриваемый как минимально приемлемый большинством членов данного общества. Это заставляет рассматривать

и сравнивать между собой группы бедных, выделенные в соответствии с разными методологическими традициями.

Важная роль в возникновении ситуации бедности принадлежит таким неэкономическим факторам, как состав домохозяйств (в частности, наличие и число иждивенцев), здоровье их членов, которые в современных обществах в той или иной степени должны компенсироваться методами социальной политики. Именно влияние этих факторов на риск оказаться в составе различных групп бедных, а следовательно, и косвенной оценке эффективности реализуемой сегодня в России социальной политики и посвящена данная статья. В качестве объекта изучения в ней выступили группы бедных, выделенные в соответствии с двумя основными подходами к бедности, а именно – абсолютным (бедность «по доходам») и депривационным (невозможность поддерживать считающийся в обществе минимально приемлемым, но все же «нормальным» образ жизни, т.е. бедность «по лишениям»).

В рамках первого подхода для выделения бедных была использована методика, близкая к применяемой Федеральной службой государственной статистики России (ФСГС). Подсчет масштабов бедности в соответствии с абсолютным подходом осуществлялся нами через сравнение совокупных доходов домохозяйств разных регионов с совокупным прожиточным минимумом, рассчитанным для каждого домохозяйства в отдельности в каждом из рассматриваемых регионов страны за соответствующий год. Показатель совокупного дохода рассчитывался простым суммированием всех денежных доходов домохозяйства (зарботной платы, различного рода трансфертов, помощи со стороны других домохозяйств), полученных за последний месяц перед опросом. Совокупный прожиточный минимум домохозяйства вычислялся посредством сложения прожиточных минимумов, установленных для детей, людей трудоспособного возраста и пенсионеров, в зависимости от состава домохозяйства. Показатели прожиточных минимумов для каждого из регионов страны были взяты с сайта ФСГС России. Масштабы бедности по абсолютному подходу рассчитывались отдельно для каждого региона, и в число бедных попадали домохозяйства, чей совокупный доход оказывался меньше совокупного прожиточного минимума для домохозяйств соответствующего состава.

В рамках второго подхода как бедные рассматривались все те, кто испытывал пять и более видов лишений при удовлетворении базовых потребностей. Показатели лишений были отобраны с учетом предпринятых ранее другими авторами попытки адаптации показателей базовых лишений П. Таузен-да к российской действительности [Можина и др., 1998; Тихонова, 2003] и возможностей инструментария исследования Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения страны (РМЭЗ) за разные годы. В итоге было выделено 17 видов таких лишений [Слободенюк, Тихонова, 2011]. Часть показателей этих лишений имела характер многомерных индексов, которые были построены на основе нескольких переменных из анкеты

мониторинга, а часть состояла лишь из одной переменной. Однако в любом случае каждый показатель депривации в итоге выступал дихотомической переменной (где 1 выступала сигналом о наличии соответствующего признака у респондента, 0 – о его отсутствии). Таким образом, совокупный индекс депривации мог варьироваться в интервале от 0 до 17 баллов. Определение порогового значения индекса, позволяющего отделить группу бедных от остального населения, осуществлялось несколькими способами, каждый из которых продемонстрировал, что в качестве такого рода границы должен использоваться порог в пять баллов.

Эмпирической основой для решения поставленных нами задач выступили данные РМЭЗ, часто называемого также RLMS – панельного исследования, проводимого с 1992 г.¹ Для анализа нами отобраны семь баз за 2005–2011 гг.² Соотношение бедного и небедного населения «на входе» и «на выходе» из этого периода выглядит следующим образом (см. рис.).

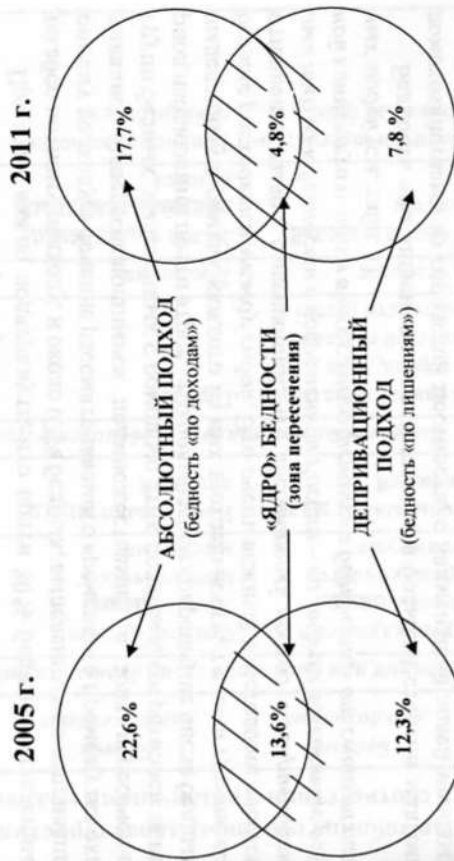

Рис. Численность бедных в России, выделенных в соответствии с обоими подходами к бедности, % от всех респондентов РМЭЗ за соответствующий год

Как видим, динамика численности групп бедных, выделенных на основе абсолютного и депривационного подходов, показывает схожие тенденции: обе группы бедных уменьшились в размере к 2011 г. При этом уменьшение это пришлось фактически на 2005–2008 гг. При этом доля бедных «по доходу»

1 Более подробно об этом исследовании и его выборке см.: Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ // <http://www.hse.ru/hms/>

2 Для расчетов использовались репрезентативные выборки РМЭЗ. Ошибка выборки для общих процентных распределений, согласно оценкам проводившей данное исследование группы, не превышала 3 на 95% в доверительном интервале.

уменьшилась в 1,3 раза, что сходно с тенденцией, прослеживающейся по дан-
ным Росстата (по которым число бедных сократилось в 1,4 раза¹, и тоже в ос-
новном за счет положительной динамики в предкризисный период). Что же
касается доли бедных, выделенных на основе испытываемых лишений,
то она сократилась еще больше – практически в 1,6 раз. Тем не менее масшта-
бы бедности в России таковы, что в 2011 г. фактически 22,5% населения стра-
ны согласно данным РМЭЗ попадали в ряды бедных в соответствии с абсо-
лютным подходом, а 12,6% – согласно депривационному подходу². Всего же
доля бедных, выделенных по разным подходам, в общей выборке РМЭЗ
в 2011 г. составляла около трети населения (30,3%), что заметно больше, чем
официальные данные ФСГС РФ за этот период. Это может объясняться либо
некоторым смещением в наименее обеспеченные слои выборки РМЭЗ, либо
занижением доли бедных в силу особенностей используемой ФСГС РФ мето-
дики их выделения, либо, что, на наш взгляд, наиболее вероятно, совокуп-
ным действием обоих факторов.

При этом важно подчеркнуть, что почти 80% бедных, выделенных
по абсолютному подходу, и около 62% бедных, выделенных по деприваци-
онному подходу, в течение рассматриваемого временного промежутка ока-
зывались пересекавшимися подмножествами³, а зона пересечений
групп бедных, выделенных с помощью этих подходов, сократилась за пе-
риод наблюдений почти втрое. Это больше, чем сокращение числа бедных,
выделенных в рамках каждого из них в отдельности, т.е. *эти группы все
больше расходятся между собой*. Это очень важный в методологическом
отношении вывод, означающий, что *абсолютный подход и депривацион-
ный подход к бедности в современной России – во многом вследствие раз-
ной концептуализации в них самого феномена бедности – описывают раз-
ных людей* (см. табл. 1).

Бедность «по лишениям» представлена в большей степени малыми
домохозяйствами из городской местности, с наименьшей долей молодых
мужчин и наибольшей долей немолочных женщин. Бедные же «по дохо-
дам» чаще представлены большими семьями в сельской местности, и в их
составе максимальна доля детей и молодежи (о «детском лице» россий-
ской бедности говорят и другие исследователи [Бурдяк, 2007; Осолкова,
2012; Овчарова, 2008, 2009; Ovcharova, 2007]).

1 По данным с официального сайта Федеральной службы государственной статистики // <http://fsgs.ru/wps/wcm/connect/rossstat/rossstat/site/main/>

2 Зона пересечения двух полученных групп составила 6,7% населения России.

3 Данные, полученные из таблиц сопряженности, проверялись с помощью анализа скоррек-
тированных остатков (adjusted residuals). Значение adjusted residuals в использованных в ста-
тье данных позволяло сделать вывод о значимости полученных результатов с вероятностью
5%, т.е. $p < 0.05$.

Сравнительная таблица основных характеристик групп бедных,
выделенных в соответствии с различными подходами к бедности

Характеристики	Исключенные при выделении групп бедных характеристики				Выделенные при анализе особенностей групп			
	Справочно: Небедное население	«Ядро» бедности	Бедные «по лишениям»	Бедные «по доходам»	Среднедушевые доходы	Препреваемые лишения в реализации базовых потребностей	Преимущественный тип местности проживания	Размер домохозяйства (по медиане)
Среднедушевые доходы	Среднедушевые доходы выше прожиточного минимума	Среднедушевые доходы ниже прожиточного минимума	Среднедушевые доходы выше прожиточного минимума	Среднедушевые доходы ниже прожиточного минимума	Испытывают много лишений	Испытывают мало лишений	В равной мере села и города, доля жителей сельской местности растет	4 человека
Препреваемые лишения в реализации базовых потребностей	Испытывают мало лишений	Испытывают много лишений	Испытывают много лишений	Испытывают мало лишений	Испытывают много лишений	Испытывают мало лишений	Города	2 человека
Выделенные при анализе особенностей групп	Села	Города	Города	Города	Уклон в пределе- онный/лишенный	Уклон в пределе- онный/лишенный	Уклон в молодой возраст	2 человека
Преимущественный тип местности проживания	Города	Села	Города	Города	Уклон в пределе- онный/лишенный	Уклон в пределе- онный/лишенный	Уклон в молодой возраст	2 человека
Размер домохозяйства (по медиане)	3 человека	4 человека	4 человека	4 человека	Уклон в пределе- онный/лишенный	Уклон в пределе- онный/лишенный	Уклон в молодой возраст	2 человека
Возрастная структура	Все возрастные группы в равной степени	Уклон в пределе- онный/лишенный	Уклон в пределе- онный/лишенный	Уклон в молодой возраст	Уклон в пределе- онный/лишенный	Уклон в пределе- онный/лишенный	Уклон в молодой возраст	2 человека
Тип бедности	Справочно: Небедное население	«Ядро» бедности	Бедные «по лишениям»	Бедные «по доходам»	Среднедушевые доходы выше прожиточного минимума	Среднедушевые доходы ниже прожиточного минимума	Испытывают много лишений	Испытывают мало лишений

Таблица 2
Динамика занятости и иждивенческой нагрузки в различных группах населения, 2005–2011 гг., %

Бедные	Доля работающих трудоспособных в составе занятых, %	Дети	Трудоспособных без инвалидности	Всего лиц, не имеющих собственного заработка	Инвалидов трудоспособного возраста	Всего	Иждивенческая нагрузка (на одного работающего приходится), чел.		
							Бедные	«по лишениям», 2005 г.	«по лишениям», 2011 г.
Бедные «по доходам», 2005 г.	36,28	0,88	0,55	1,43	0,28	0,05	1,76		
Бедные «по доходам», 2011 г.	35,21	0,98	0,60	1,57	0,22	0,04	1,84		
Бедные «по лишениям», 2005 г.	32,23	0,25	0,49	0,73	1,32	0,05	2,10		
Бедные «по лишениям», 2011 г.	37,16	0,22	0,39	0,61	0,98	0,10	1,69		
«Ядро», бедности, 2005 г.	33,55	0,52	0,90	1,42	0,50	0,07	1,98		
«Ядро», бедности, 2011 г.	38,84	0,41	0,86	1,27	0,23	0,08	1,57		
Небедное население, 2005 г.	41,70	0,40	0,25	0,65	0,70	0,04	1,40		
Небедное население, 2011 г.	43,53	0,42	0,22	0,64	0,62	0,04	1,30		

Иждивенческая нагрузка, здоровье и риски бедности

Рассмотрим, учитывая состав домохозяйств бедных «по доходам», вопрос о роли иждивенческой нагрузки как фактора бедности. Судя по всему, само по себе наличие неработающих членов семьи является сегодня в российских домохозяйствах нормой, однако степень иждивенческой нагрузки¹ в различных группах при этом не просто разная — она различается практически вдвое (см. табл. 2). Кроме того, три выделенные группы бедных иждивенческой существенно различаются картины с точки зрения структуры иждивенческой нагрузки и доли занятых. Как видно из табл. 2, доля работающих, находящихся в трудоспособном возрасте, среди небедного населения самая высокая и превышает 40% группы. Представители групп бедного населения демонстрируют меньшую экономическую активность, хотя стоит отметить, что среди «ядра» бедных и бедных «по лишениям» за рассматриваемый период повысилась доля занятых, в отличие от бедных «по доходам», где она сократилась. Однако, несмотря на эти слабо выраженные тенденции, в целом доля занятых в 2011 г. в рассматриваемых группах бедных и в небедном населении отличается мало. Качественные различия начинают проследиваться при детальном рассмотрении занятых в этих группах. Так, в бедности «по доходам» иждивенцами выступают несовершеннолетние дети и неработающие трудоспособного возраста, не имеющие на то видимых причин (в группе практически нет инвалидов трудоспособного возраста). Если убрать из рассмотрения пенсионеров, так как с формальной точки зрения их трудно считать иждивенцами в силу наличия у них собственного дохода в виде пенсий, то мы увидим, что показатель иждивенческой нагрузки в группе бедных «по доходу» равен практически 1,6 и самый высокий среди всех рассматриваемых групп.

Особенность «ядра» бедности заключается в том, что, как и в группе бедных «по доходу», иждивенческая нагрузка здесь достаточно велика (1,3), но в данном случае практика осознанного отказа от работы выражена еще ярче — почти 2/3 иждивенцев здесь здоровые люди трудоспособного возраста. Причем, если в случае с бедными «по доходу» высокие показатели незанятости трудоспособных можно было хоть как-то оправдать большой долей детей в их составе, то в случае с «ядром» бедности об этом говорить не приходится. Очень сильно от двух рассмотренных групп отличается группа бедных «по лишениям», где иждивенческая нагрузка практически вдвое ниже (0,6), что совпадает с показателем у небедного населения, причем львиную долю незанятых в данном случае составляют пенсионеры. Это еще раз подчеркивает особый характер данной группы.

Неработающие пенсионеры также включались нами в число иждивенцев. Иждивенческая нагрузка может быть связана с плохим здоровьем кого-то

¹ Среднее количество иждивенцев, приходящееся на одного работающего члена семьи, находящегося в трудоспособном возрасте, плюс к нему самому. Неработающие пенсионеры также включались нами в число иждивенцев.

из членов семьи и необходимостью ухода за ним, поэтому коротко остановимся и на вопросе здоровья представителей различных групп бедных (см. табл. 3).

Таблица 3
Субъективная оценка своего здоровья и наличие инвалидности у представителей разных групп российского общества в 2011 г.¹, %

Характеристики здоровья	Бедные «по доходам»	Бедные «по лишениям»	«Ядро» бедности	Небедное население
Оценка своего здоровья как плохого и очень плохого	5,9	23,7	13,6	12,9
Присвоена группа по инвалидности, в том числе:	3,4	14,7	5,0	9,7
I группа	13,8	11,4	10,3	11,9
II группа	49,4	56,8	46,2	59,5
III группа	36,8	31,9	43,6	28,6

Как видно из табл. 3, состояние здоровья бедных самое плохое среди всего населения: среди них каждый пятый оценивает свое здоровье как «плохое» или «очень плохое». Кроме того, представители этой группы чаще, чем представители других групп, обладают той или иной группой инвалидности, причем в 70% случаев это пенсионеры. Напомним, несмотря на это, именно в данной группе бедных иждивенческая нагрузка минимальна. Доля людей с инвалидностью в «ядре» бедности ниже среднего значения по выборке. И хотя такая ситуация отчасти объясняется тем, что практика оформления инвалидности по различным причинам в ней не укоренена (сложность получения инвалидности для проживающих в сельской местности, функциональная неграмотность), тем не менее понятно, что негативные тенденции с занятостью у членов этой группы, о которых шла речь выше, объясняются прежде всего отнюдь не проблемами со здоровьем у ее членов. Это еще одно свидетельство того, что различные группы бедных кардинально отличаются друг от друга по сложившемуся образу жизни. Группе бедных «по лишениям» все чаще свойственна активная экономическая позиция, что в совокупности с малой долей детей в ее составе приводит к существенно меньшей иждивенческой нагрузке, однако, впрочем, и это не способно вывести ее членов в силу упоминавшихся выше факторов (стоимость жизни по месту проживания, плохое здоровье) из состоя-

¹ В первых двух строках за 100% принимается общее количество членов каждой из групп.

ния депривации. Среди бедных «по доходу» иждивенческая нагрузка во многом обусловлена высокой долей детей в их составе (практически треть группы), что может влиять на добровольный отказ от работы в целях ухода за детьми и приводить к дополнительному росту иждивенческой нагрузки. В «ядре» бедности мы видим процесс люмпенизации – хотя, в отличие от других групп, здесь за 2005–2011 гг. количество пенсионеров и детей сократилось, трудоспособные ее члены все чаще не работают. Подобная ситуация означает, что представителям этой группы приходится существовать не на заработанные деньги, а на какие-то иные средства, поступающие извне, например государственные трансферты. Посмотрим, так ли это?

Роль государственных трансфертов в преодолении рисков бедности

В рамках социальной политики со стороны государства в России представляется широкий спектр субсидий, пенсий и иных трансфертов, позволяющих поддерживать малоимущие слои населения. Роль этих выплат в преодолении рисков бедности, учитывая значимость соответствующей проблемы, изучена достаточно хорошо [Малева, 2007; Сидорова, 2004; Сурков, 2008; Корчагина, Прокофьева, 2008]. Формы социальной помощи малоимущему населению предусмотрены Федеральным законом «О государственной социальной помощи»¹. Они включают в себя: социальные пособия (предоставление денежных средств на безвозмездной основе из бюджета страны), субсидии (целевая полная или частичная оплата социальных услуг, предоставляемых гражданам), набор бесплатных или льготных социальных услуг (предоставляемый адресно определенным категориям граждан), социальные доплаты к пенсиям, социальные контракты (соглашение между органом социальной защиты и гражданином, по которому первый обязуется оказывать государственную социальную помощь, а второй – реализовывать мероприятия, предусмотренные программами социальной адаптации). Правом на получение государственной социальной помощи обладают, наряду с некоторыми другими категориями, и малоимущие домохозяйства, которые *по независящим от них причинам* имеют среднедушевой доход ниже прожиточного минимума, установленного в соответствующем субъекте Российской Федерации.

Социальное пособие по бедности и социальный контракт являются базовыми средствами поддержки населения в рамках борьбы непосредственно с бедностью. Однако пребывание за чертой бедности позволяет получить до-ступ и к иным видам помощи со стороны государства (целевые формы помощи детям, пенсионерам и пр.). В большинстве случаев размеры государственных

¹ Последняя редакция закона от 25.12.2012 (№ 258-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной социальной помощи» // <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=139848>).

субсидий, доплат, дотаций и прочих выплат и льгот определяются на уровне субъектов Российской Федерации. Так, например, отдельной сферой социальной политики является помощь детям из бедных семей¹, которая сильно различается по регионам. В Москве, например, она включает не только ежемесячное пособие на ребенка, но и компенсацию части платы за обучение детей в платных общеобразовательных учреждениях, льготный проезд на транспорте, бесплатное двухразовое питание, обеспечение учебниками, бесплатное посещение музеев, выставочных залов, зоопарков, находящихся в ведомстве субъекта Российской Федерации, бесплатное питание и одежду для младенцев. Пенсионеры, чей среднедушевой доход с учетом всех льгот и пособий оказывается ниже величины прожиточного минимума, также обладают правом на социальные доплаты к пенсии и разного рода натуральную помощь и льготы. Таким образом, в России сегодня существует широкий спектр видов государственной помощи малоимущим. Насколько же способна эта помощь улучшить положение бедных, из каких источников складываются совокупные доходы их домохозяйств и какова в них роль государственных трансфертов (см. табл. 4)? Как видно из табл. 4, хотя для всех групп населения более половины их доходов формируется заработной платой членов домохозяйств, вклад остальных источников существенно различается и колеблется от 43,0% в группе бедных «по лишениям» до 32,1% среди небедного населения. Без учета пенсий эти цифры выглядят следующим образом: 20,6% из бюджета приходится на иные, нежели зарплата и пенсии, источники дохода в домохозяйствах бедных «по доходам», 20,0% – бедных «по лишениям», 17,7% – в «ядре» бедности и 14,8% – для остального населения. Как видим, цифры достаточно близки между собой.

Второе, что обращает на себя внимание при анализе данных табл. 4, это то, что социальные выплаты от государства в равной степени распространены среди разных групп населения и для всех них в среднем составляют статистически незначительную величину. Более того, хотя помощь родственников играет в бюджетах бедных домохозяйств гораздо большую роль, чем помощь государства, она также мало различается по анализируемым группам. Эта же тенденция сохраняется, если рассмотреть только социальные пособия, выплачиваемые государством (1,4–0,1% их бюджетов в разных группах). Пожалуй, единственный из всех видов помощи в семье, где прослеживается заметная дифференциация, – это субсидии на оплату жилья и коммунальных услуг – вклад их в бюджет домохозяйств в «ядре» бедности (0,8%) в четыре раза больше, чем у благополучного населения (0,2%). Однако роль этого источника очень мала и не отменяет главного вывода – помощь бедным со стороны государства не играет в их жизни той роли, которую она призвана играть. Кроме того, адресность этой помощи по-прежнему не соблюдается. Более того, масштабы этой помощи в разы

¹ На примере программ социальной защиты малоимущих в г. Москве. См.: Денежные выплаты, льготы малообеспеченным семьям Москвы. 22.10.2011 // http://www.kszn.ru/socvipra/p2_articleid/4458.

меньше, чем помощь бедным со стороны их родственников. Наконец, стоит отдельно подчеркнуть, что в России практически отсутствует помощь бедным со стороны благотворительных организаций.

Таблица 4
Вклад различных источников в совокупный доход домохозяйств
соответствующей группы в 2011 г.¹, %

Источники доходов	Бедные «по доходам»	Бедные «по бедности»	Небедное население
Заработная плата	57,9	57,0	60,9
Пенсии	21,5	23,0	21,4
Доходы от продажи и сдачи в аренду имущества	1,5	3,2	0,4
Помощь родственников	4,3	3,8	4,0
Помощь иных частных лиц и организаций	0,8	0,3	0,8
Продажа результатов сельскохозяйственной деятельности	3,6	8,6	2,5
Пособия на детей	5,6	1,0	5,0
Социальные выплаты от государства	0,6	0,4	0,3
Субсидии на оплату жилья и оплату топлива	0,8	0,4	0,8
Стипендии	0,6	0,4	0,5
Пособия по безработице	0,8	0,4	1,4
Проценты по вкладам, дивиденды и т.п.	0,0	0,0	0,0
Прочее	2,0	1,6	1,8
Всего	100,0	100,0	100,0

Выводы

Бедность в современной России многолика и гетерогенна. Нет ни одного фактора риска, который жестко предопределил бы попадание в нее, однако, в зависимости от самого понимания сути феномена бедности, можно выделить некие наборы наиболее значимых факторов, не связанных с рынком тру-

¹ В таблице представлены средние значения каждого показателя, в результате чего сумма по столбцу не равняется 100%.

да, которые заметно различаются в разных группах бедных. Так, для пребывания в группе, чьи доходы ниже прожиточного минимума, это проживание в сельской местности в большом домохозяйстве с высокой иждивенческой нагрузкой, прежде всего детьми. Для попадания в число бедных по деprivации — это жизнь в крупном городе в малых домохозяйствах с повышенной долей женщин и лиц с плохим здоровьем. В условиях жестко сегментированного городского рынка труда это не позволяет им, несмотря на их экономическую активность, претендовать на эффективную занятость. Наконец «ядро» бедности характеризуется тенденциями люмпенизации (снижение экономического активности, большая доля неработающих трудоспособных, специфика динамики брачности и пр.), что и приводит к его пребыванию не только ниже черты прожиточного минимума, но и одновременно в состоянии множественной (многомерной) депривации. Это свидетельствует о существовании в современной России разных типов бедности, что, в свою очередь, означает, что борьба с бедностью должна вестись разными методами в зависимости от социальной помощи населению пока что практически не сокращает риски бедности и в целом существенно не облегчает их бремя.

Дальнейшее совершенствование социальной политики предполагает уточнение концепции бедности, лежащей в основе методологии выделения и анализа за бедных, расширение вариативности помощи бедным, более полный учет при расчете пенсий по инвалидности и распределении натуральных форм помощи специфики расходов людей с хроническими заболеваниями, особенно с заболеваниями сердечно-сосудистой системы, наиболее жестко ограничивающими эффективную занятость, увеличения размеров детских пособий. Очень важно также устранить недостатки используемой в России для нужд социальной политики и статистики методики выделения бедных. Необходимо включить в эту методику показатели размера и состава домохозяйств. Применение шкал эквивалентности доходов, учитывающих эффект экономии на размере семьи, позволит более адекватно оценивать масштабы бедности в целом по России и более эффективно расходовать выделяемые на борьбу с бедностью средства.

Вторым очень важным направлением совершенствования государственной социальной политики должен стать учет различий в стоимости жизни в разных типах поселений при определении величины прожиточного минимума. В ряды бедных «по доходам», которые и рассматриваются российским государством как бедные, в итоге чаще попадают жители сел с низкими душевыми доходами, хотя эти доходы могут обеспечивать им более высокий уровень жизни, чем большие по размеру доходы — жителям крупных городов.

Все это, в свою очередь, приводит к неэффективному расходованию бюджетных средств, выделенных для помощи малоимущим, с одной стороны, и сохранению в российском обществе значительного числа действительно бедствующих людей, не имеющих при этом права на помощь со стороны государства, — с другой.

Список источников

- Абрахамсон П. Социальная эксклюзия и бедность // Общественные науки и современность. 2001. № 2. С. 158–166.
- Бурдяк А. Я., Попова Д. О. Причины бедности семей с детьми (по результатам обследования домохозяйств Ленинградской области) // SPERO. 2007. № 6. Весна. С. 31–56.
- Карабук Т. С., Соболева Н. Э., Пашинова Т. Р. Бедность домохозяйств в России: что говорят данные РМЭЗ ВШЭ // Мир России. 2013. Т. 22. № 1. С. 155–175.
- Корчагина И. И., Прокофьева Л. М. Региональные программы социальной поддержки многодетных семей: что знает о них население // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2008. № 9. С. 67–84.
- Малева Т. М. (ред.) Обзор социальной политики в России. Начало 2000-х. М.: НИСП. 2007. С. 411–420.
- Можина М. А., Овчарова Л. Н., Попова Р. И., Прокофьева Л. М. и др. Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению / под ред. Т. М. Малева. Моск. центр Карнеги. Вып. 24. М.: Моск. центр Карнеги, 1998.
- Оскалкова О. Б. Бедные дети богатой Америки // Социологические исследования. 2003. № 2. С. 78–86.
- Овчарова Л. Н. Новая политика поддержки семей с детьми: кардинальный прорыв или первый шаг? // Мир России. 2008. № 2. С. 41–68.
- Овчарова Л. Н. Теоретические и практические подходы к оценке уровня, профиля и факторов бедности: российский и международный опыт М.: М-Студио, 2009.
- Сидорова В. А. Влияние адресной социальной помощи на изменение уровня, глубины и остроты бедности // Социологические исследования. 2004. № 7. С. 83–94.
- Слободенюк Е. Д., Тихонова Н. Е. Эвристические возможности исследования // Социологические исследования. 2011. № 33. С. 5–27.
- Сурков С. В. Региональные адресные программы поддержки бедного населения: влияние финансовых и экономических институтов // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2008. № 9. С. 187–204.
- Тихонова Н. Е. Феномен городской бедности в современной России. М.: Летний сад, 2003.
- Mack J., Lansley S. Poor Britain. London: George Allen & Unwin Ltd, 1985.
- Ovcharova L., Popova D., Pishnyak A. I. New Measures Supporting Families with Children: Improving Living Standards and Raising Birthrates? An Analysis of the Maternity and Child Support Measures Introduced in 2007 in the Russian Federation. M.: UNICEF, 2007.
- Townsend P. The Meaning of Poverty // The British Journal of Sociology. 2010. Vol. 61. P. 85–102.

Non-Market Factors of Poverty in Modern Russia and Ways to Improve Social Policy

Ekaterina D. Slobodenyuk

Lecturer of Department of Socio-Economic Systems and Social Policy, Higher School of Economics, Moscow, e-mail: eslobodenyuk@hse.ru

The article deals with the issue of poverty in Russia and characterizes specific features of the poor, which vary depending on the theoretical and methodological approaches to poverty. An empirical base of the research is Russian Longitudinal

monitoring survey 2005–2011. The paper tends to cover the issues of poverty, which increase the probability of falling into poverty in modern Russia. The non-economic factors observed are: in particular household size, composition, type of terrain, and home to the poor dependents, gender, risk, etc. The paper also touches upon the issue of how modern social policies can reduce these risks and ways to improve it.

Keywords: poverty, deprivation, social policy

References

- Abrahamson P. (2001) *Sotsialnaya ekskluziya i bednost* [Social exclusion and poverty]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Modernity], no 2, pp. 158–166.
- Burdiak A., Popova D. (2007) *Prichiny bednosti: semej s detmi* (po rezul'tatam issledovaniya domokhoziastv Leningradskoj oblasti) [The causes of poverty among families with children (by the results of a household survey of Leningrad region)]. SPERO, no 6, pp. 31–56.
- Karabchuk T., Soboleva N., Pashinova T. (2013) *Bednost domokhoziastv v Rossii: chto govoriat dannye RMEZ HSE* [Household Poverty in Russia: what RLMS HSE data say]. *Mir Rossii* [The World of Russia], vol. 22, no 1, pp. 155–175.
- Korchagina L., Prokofeva L. (2008) *Regionalnye programmy sotsialnoj podderzhki mnogodetnykh semej: chto znaet o nikh naselenie* [The regional programs of large families social support: what people know about them]. SPERO, no 9, pp. 67–84.
- Mack J., Lansley S. (1985) *Poor Britain*. London: George Allen & Unwin Ltd.
- Maleva T. (ed.) (2007) *Obzor sotsialnoj politiki v Rossii. Nachalo 2000-kh* [Overview of social policy in Russia. Beginning of the 2000s]. Moscow: NISF.
- Mozhina M.A., Ovcharova L.N., Popova R.I., Prokofeva L.M. (1998) *Bednost: Alternativnye podkhody k opredeleniyu i izmereniyu* [Poverty: Alternative Approaches to the definition and measurement]. Moscow: centr Karnegi.
- Oskalkova O. (2003) *Bednye deti bogatoj Ameriki* [The poor kids of rich America]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], no 2, pp. 78–86.
- Ovcharova L., Popova D., Pishnyak A.I. (2007) *New Measures Supporting Families with Children: Improving Living Standards and Raising Birthrates? An Analysis of the Maternity and Child Support Measures Introduced in 2007 in the Russian Federation*. Moscow: UNICEF.
- Ovcharova L. (2008) *Novaya politika podderzhki semej s detmi: kardinalnyj proryv ili pervyy shag?* [The new support policy for families with children: radical breakthrough or the first step?]. *Mir Rossii* [The World of Russia], no 2, pp. 41–68.
- Ovcharova L. (2009) *Teoreticheskie i prakticheskie podkhody k otsenke urovnia, profil'a i faktorov bednosti: rossijskij i mezhdunarodnyj opyt* [Theoretical and practical approaches to the assessment of the level and profile of poverty factors: the Russian and international experience]. Moscow: M-Studio. (in Russian)
- Sidorova I. (2004) *Vliyaniye adresnoj sotsialnoj pomoshchi na izmeneniye urovnia, glubiny i ostroty bednosti* [The influence of social assistance to change the level, depth and severity of poverty]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], no 7, pp. 83–94.
- Slobodennik E., Tikhonova N. (2011) *Evristsicheskie vozmozhnosti absolutnogo i otnositelnogo podkhodov k izucheniyu bednosti v rossijskikh usloviyakh* [Heuristic possibilities of absolute and relative approaches to the study of poverty in the Russian conditions]. *Sotsiologiya*: 4M [Sociology: 4M], no 33, pp. 5–27.
- Surkov S. (2008) *Regionalnye adresnye programmy podderzhki bednogo naseleniya: vliyaniye finansovykh i ekonomicheskikh institutov* [Regional targeted programs to support the poor: the impact of the financial and economic institutions]. SPERO, no 9, pp. 187–204.
- Tikhonova N. (2003) *Fenomen gorodskoj bednosti v sovremennoj Rossii* [The phenomenon of urban poverty in modern Russia]. Moscow: Letnij sad. (in Russian)
- Townsend P. (2010) *The Meaning of Poverty*. *The British Journal of Sociology*, vol. 61, no. 85–102.

ОСНОВНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА В 1960–1980-Х ГГ., ОПРЕДЕЛЕННЫЕ ПЕНСИОННЫМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ

Ольга Владимировна Карпушина

кандидат исторических наук, руководитель группы оценки пенсионных прав застрахованных лиц. Управление Пенсионного фонда РФ (Государственное учреждение) в городе Гусь-Хрустальном Владимирской области, электронная почта: olga.karpushina209@yandex.ru

В статье на основе анализа норм пенсионного обеспечения предприятия попытка определить основные социальные группы, составившие к моменту распада СССР продекларированную в Конституции единую общность людей – советский народ. Изучив пенсионные нормы и постановления Совета Министров СССР о пенсионном обеспечении работников науки и культуры, и граждан, имеющих исключительные заслуги перед страной, автор пришел к выводу, что все советские граждане, исходя из гарантированных им видов пенсий, условий их назначения, размеров и предоставления сопутствующих льгот, зависящих от вклада в социалистическое строительство, были разделены государством на ряд неравноправных категорий.

Ключевые слова: пенсия, пенсионная система, рабочий, служащий, колхозник, персональный пенсионер. «другие граждане», социальная группа

Пенсионное обеспечение – это, с одной стороны, возмещение государством дохода, утраченного гражданами в результате наступления старости, инвалидности или в случае потери кормильца, а с другой – по-казатель значимости той или иной социальной группы для общества в целом. В СССР пенсионное обеспечение строилось в соответствии с политическими и социально-экономическими задачами государства, с учетом имеющихся финансовых возможностей. Поэтому в первые годы советской власти большое внимание уделялось раненным на фронтах гражданской войны красноармейцам; в конце 1920-х – начале 1930-х гг.

THE JOURNAL OF SOCIAL
POLICY STUDIES

**ЖУРНАЛ
ИССЛЕДОВАНИЙ
СОЦИАЛЬНОЙ
ПОЛИТИКИ**

Том 11 № 3 2013

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции

Статьи

Профессии и политика посредничества:
охрана психического здоровья и психотерапия

Эллен Кульман

Врачи как профессиональная группа: воспроизводство
и поддержание врачебного профессионализма

Алла Чирикова

Учительские сообщества: самоорганизация и влияние

Ирина Мерсинова, Ирина Краснопольская, Анастасия Чешкова

Эмоциональный труд в современном обществе: научные дискуссии
и дальнейшая концептуализация идей А.Р. Хохшильд

Ольга Симонова

Специфика социальной работы на приходах Русской православной церкви:
проблема концептуализации

Иван Забавев, Дарья Орешкина, Елена Пруцкова

Дилеммы профессионализации приходской социальной работы
в государстве благосостояния

Ростислав Конonenko

Дома умалишенных в России: филантропическая психиатрия
и политика гендера

Лия Янушова

Нервные факторы бедности в современной России
и пути совершенствования социальной политики

Екатерина Слободенюк

Основные социальные группы советского общества
в 1960–1980-х гг.: определенные пенсионным законодательством